

© 1999 г.

В. Бущик,

кандидат философских наук,

и.о. директора Института социологии НАН Беларуси

РЫНОЧНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Социально-политические преобразования, начатые во второй половине 80-х годов по инициативе высшего политического руководства СССР, оказали разрушительное воздействие на все сферы жизнедеятельности общества. В результате непродуманной, бессистемной замены социальных институтов и социальных механизмов, на которых базировалась прежняя организация общественной жизни, весь общественный организм вышел из состояния равновесия. Общество частично утратило системную ориентацию в экономической, политической, социальной и культурной сферах. Иначе говоря, возникла ситуация острого системного кризиса.

В результате появилась неотложная потребность в осмыслении и истолковании происходящих общественных процессов. Исследования Института социологии НАН Беларуси последнего десятилетия дают основание утверждать, что человеческий фактор играет ведущую роль в преодолении кризиса. Известно, что на стадии подготовки общественного мнения к переводу народного хозяйства на рыночный путь, немало было сказано о необходимости создания условий для эффективного и высокооплачиваемого труда, формирования надежной системы социальной защиты населения, поддержки малоимущих, компенсации и индексации доходов, обеспечения занятости. На основе внедрения рыночных механизмов и стимулов планировалось значительно повысить уровень благосостояния людей.

Однако в ходе самих рыночных преобразований политики и идеологии рынка о человеке просто забыли и оставили его один на один с формирующейся агрессивной и чуждой социальной средой. В результате в общественном сознании происходит активное переосмысление результатов и перспектив рыночных преобразований, разрушение сформированных на протяжении десятилетия мифов по поводу социально-политических преобразований на постсоветском пространстве.

Рыночные преобразования в Беларуси в оценке населения. Социологические исследования показывают, что население Беларуси довольно активно в начале 90-х годов поддержало решение высшего руководства

страны о переходе к рыночной экономике. К этому времени в общественном сознании сформировался миф о чудотворной силе рынка, который быстро и безболезненно создаст такой же уровень и качество жизни, как на Западе. И самое главное: высказываясь за рынок, население в первую очередь отвергало ситуацию безвластия, всеобщего дефицита, неопределенности, поскольку для многих понятие рыночной экономики на этом этапе носило абстрактный характер.

Переход к рыночной экономике был навязан обществу политической элитой бывшего союзного государства. Основная же масса населения не по своей воле оказалась в непривычных для нее условиях, к которым она была вынуждена приспосабливаться в силу своих способностей и возможностей.

Многие граждане лишились возможности осуществлять привычную для них жизнедеятельность раньше, чем они осмыслили новые “правила игры”. Все это стало возможным благодаря применению методов “шоковой терапии”, наступательной пропагандистской кампании. С их помощью были подавлены импульсы не только к сопротивлению, но и к осмыслению происходящих процессов.

Известно, что к этому времени успешный опыт проведения постепенной рыночной реформы в рамках социализма в Китае был известен всему миру.

Однако страны бывшего союзного государства избрали путь революционных преобразований во всех сферах общества. Иначе говоря, эволюционный путь развития, о котором так любили рассуждать “демократы” во второй половине 80-х годов, был отброшен и выбор был сделан в пользу “прыжка в рынок”.

Экономическая и социальная целесообразность таких решений были принесены в жертву в пользу политического выбора. И остается только сожалеть, что в этот период реформаторы не прислушались к предупреждению китайского лидера Ли Пена о необходимости “правильно разрешать отношения между реформой, развитием и стабильностью, приводить в гармоничное единство масштабы реформирования, темпы развития и посильность нагрузки для общества, стремиться к прогрессу при сохранении стабильности”¹.

Конечно, следует признать, что вхождение в рынок в нашей республике осуществлялось и осуществляется довольно осторожно. Только на первом этапе (не без влияния решительных рыночных преобразований в России) в белорусской программе перехода к рыночной экономике предусматривалось формирование рыночной системы до конца 1991 года, а с

¹ Всекитайское собрание народных представителей в высший орган государственной власти. Пекин: “Синьсин”, 1998. С.22.

1992 года предполагалось укрепление ее структур. В этот период в Беларуси применялись элементы “шоковой терапии”. Именно этим объясняется обвальное повышение цен на товары первой необходимости, обесценивание вкладов населения, возникновение безработицы, стремительная девальвация экономических приоритетов, традиционных духовных ценностей и т. п.

Проблема темпов экономических преобразований и сегодня не утратила своей актуальности и остроты. И прежде, и настоящее политическое руководство страны подвергалось острой критике за медлительность в рыночных преобразованиях. В оппозиционной печати постоянно приводятся в пример темпы и результаты таких преобразований в Польше, России, Венгрии, Чехии, Словакии и, наконец, в странах Прибалтики. Но сравнивать нашу ситуацию с перечисленными странами Восточной Европы и Прибалтики, по меньшей мере, некорректно.

Беларусь – небольшая страна. Поэтому политическая элита нашей республики свои решения часто сверяет по своим соседям, и прежде всего России.

Что касается модели рыночных преобразований, то в России практически в полном объеме была реализована известная неолиберальная экономическая стратегия. Результаты таких преобразований в России сегодня общеизвестны. По оценке американских ученых, “неолиберальная стратегия оказалась эффективной лишь в разрушении старого социально-экономического строя, но абсолютно беспомощной в создании новой, жизнеспособной экономической и общественной системы”¹.

Как уже отмечалось, в Беларуси была принята концепция сравнительно плавного вхождения в рыночную экономику. На основе опыта других стран пришло понимание того обстоятельства, что тезис “приватизация не знает границ” – это из области популистских лозунгов, экономического авантюризма². Это еще один из мифов, вокруг которого не утихает борьба представителей различных политических сил. К тому же следует говорить о “политической” границе приватизации, на которую непосредственно влияет общественное сознание, а также об “экономической” границе, где непосредственно сказывается платежеспособность населения.

Социологическая информация достаточно красноречиво характеризует отношение граждан нашей страны к процессу приватизации. В 1998 году общественное мнение по поводу приватизации разделилось на три примерно равные части: 34% граждан поддержали приватизацию

¹ Филд М., Котц Д., Бухман Д. Неолиберальная экономическая политика и кризис здравоохранения в России. Проблемы теории и практики управления. 1998, с. 64.

² Лемешевский И.М. Экономическое самоуправление. – Мн.: Высш. шк.. 1992. С.125.

промышленных предприятий, другие (31%) высказались против нее, третья группа – (34%) затруднилась с ответом. Все это может свидетельствовать только об одном: в общественном мнении граждан республики не сформировалось однозначное мнение по поводу приватизации промышленных предприятий.

О противоречивости отношения населения к либеральным ценностям свидетельствует и настороженное отношение к приватизации предприятий торговли и бытового обслуживания. При самом благоприятном отношении населения страны к приватизации жилья, сам процесс приобретения жилья в собственность осуществляется неравномерно и не столь интенсивно, как предполагалось накануне принятия решения о его приватизации. По состоянию на 1 июля 1999 г., когда закончился срок льготной приватизации жилья, в республике не было приватизировано 49% квартир. Таким образом, положительное отношение граждан к самому процессу приватизации еще не означает их активное участие в данном процессе. Кроме того, сквозь либеральные ожидания населения явно проступают патерналистские настроения. Однако пассивное большинство, пребывая ряд лет в ожидании плодов либеральной системы и не дождавшись приемлемых дивидендов, начинает понимать их реальную социальную цену.

Более подробное рассмотрение информации об отношении населения к приватизации вызывает еще больше вопросов. Так, только 13% респондентов заявили о том, что они выиграют от приватизации государственной собственности, другие же 52% придерживаются противоположного мнения. Еще 48% утверждают, что нынешняя обстановка в Беларуси не благоприятна для развития частного предпринимательства. Только каждый десятый житель республики предпринимает какие-то меры для того, чтобы открыть свое дело, создать собственное предприятие. Однако наибольший интерес представляет сопоставление этих данных с результатами ответов граждан на вопрос анкеты “Как Вы считаете, экономические реформы сейчас нужно продолжать или их следует прекратить?”. В конце 1998 года 45% респондентов высказалось за продолжение такой реформы. Еще 45% опрошенных граждан затруднилось ответить на данный вопрос и только 8% респондентов считало, что их следует прекратить.

Таким образом, на основе приведенной информации логику рассуждения среднестатистического гражданина нашей страны можно представить следующим образом: от приватизации я не выиграю; приватизация вряд ли будет способствовать выходу страны из кризиса и росту экономической активности населения; нынешняя обстановка в Беларуси для развития частного предпринимательства неблагоприятная; я не предпринимаю никаких мер для того, чтобы открыть свое дело, создать

собственное предприятие; следовательно, – реформы нужно продолжать. Такой силлогизм объяснить невозможно. Один человек из десяти пытается включиться в новые правила игры, а остальные девять равнодушно за этим наблюдают. Но рыночные преобразования без приватизации, создания сильного негосударственного сектора экономики, инициативы и активности граждан просто невозможны. В социальной реальности идут два параллельных и мало связанных между собой процесса: приватизация государственной собственности, рыночные преобразования и участие в этих процессах населения. Большинство граждан Беларуси в разворачивающемся масштабном социальном эксперименте заняло позицию стороннего наблюдателя.

Эти и подобные настроения не могло не учитывать руководство республики при разработке стратегии рыночных преобразований. Кроме того, были известны и первые результаты преобразований в сопредельных странах.

Очевидно, что в Беларуси не было такого экономического и политического потенциала, как в Польше и России, для радикальных и острых преобразований. Поэтому “руководство республики не пошло по пути огульного отрицания возможностей эффективного использования государственной собственности, проведения всеохватывающей бездумной приватизации ввиду явной экономической и социальной опасности таких подходов”¹. Время покажет, чей выбор оказался более оптимальным.

Сегодняшняя же реальность такова, что идеализированный образ рыночной экономики входит в противоречие с социальной реальностью и начинает разрушаться. Число сторонников перехода к рынку уменьшилось с 63% в 1990 г. до 48-49% в 1994-1998 гг. Кроме того, при относительно стабильной численности противников рыночных преобразований (около 20%) на протяжении 90-х годов, увеличилось число сомневающихся в необходимости перехода к рынку, соответственно, с 20% до 32-38%. В общественном мнении постепенно начинают формироваться реальные представления о путях, трудностях, и, самое главное, социальной цене перехода к рынку.

Общественное мнение республики не поддерживало и не поддерживает идеологию “прыжка в рынок”. С 1990 г. по 1998 г. (с 30% до 15%) снизилось число сторонников радикального и быстрого перехода к рынку. Более 40% респондентов выступают за длительный, но социально взвешенный переход к рынку.

¹ Линг С. Выступление на международной научно-практической конференции “Роль органов конституционного контроля в защите социально-экономических и социально-культурных прав и свобод граждан”. Мн.: 1998. С.7.

В массовом сознании граждан Беларуси доминирующее положение по-прежнему занимают ценности и ориентации ушедшей эпохи. Социологические исследования свидетельствуют, что наиболее предпочтительной формой общественного устройства в Беларуси в 1996 г. – 41%, а в 1998 г. – 42% граждан назвали социализм. За капитализм при этом высказались, соответственно, 17% и 23% респондентов. Из этих социологических данных можно сделать вывод, что граждане Беларуси не ставят знак равенства между рынком и капитализмом (в 1998 г. 49% поддержали переход к рынку и только 23% – к капитализму). Следовательно, для многих граждан республики так и не ясны истинные цели осуществляющихся преобразований.

Все это свидетельствует и о нежелании населения отказаться от социальных гарантий прежнего общественного строя, социалистических ценностей.

В связи с этим переход к либеральной системе хозяйствования должен осуществляться не на основе огульного отрицания всего, что было создано в прежнюю эпоху, и прежде всего социальных гарантий. Переход к новой экономической системе должен основываться на реальных национальных интересах, на основе приумножения, а не разрушения всего того, что было создано предыдущими поколениями. Поэтому для правящей политической элиты по-прежнему остается актуальной задача разработки путей интеграции в мировую экономику на взаимовыгодных условиях. При этом следует критически осмысливать мировой опыт экономического развития и отказываться от непродуманного копирования возможно и эффективных для кого-то схем.

Важнейшими критериями эффективности создаваемого хозяйственного механизма должны стать не запросы мировых экономических лидеров, а уровень развития собственной экономики, социальной защиты граждан, национальной белорусской культуры, учета представлений большинства населения республики о принципах добра и справедливости. И только на этой основе возможно повышение уровня благосостояния всего общества, наиболее полной реализации прав и свобод личности.

Политические преобразования в Беларуси. Осуществляемые в нашей стране социально-экономические и политические преобразования коренным образом трансформировали систему органов власти и управления. Однако о положительных результатах таких перемен утверждать преждевременно. Проблемы коренной демократизации политической системы, повышения уровня и реального наполнения прав и свобод личности, роли и значения основных субъектов политического процесса так и не были решены.

Степень отчуждения власти и народа за годы преобразований не только не уменьшилась, но и во многом возросла. При этом если в последние годы существования СССР люди больше претензий предъявляли руководству республики, а не местным органам власти, то теперь все стало наоборот. В общественном мнении в Беларуси сформировалось как бы два полюса, характеризующих уровень отношения и доверия населения к властям. На одном таком полюсе с высоким уровнем поддержки граждан находится президент, на другом – властные структуры различных ветвей власти и уровней управления, не пользующиеся высоким уровнем поддержки населения.

Белорусский социолог Ж. Грищенко отмечает следующую важную особенность, которая характеризует политическую ситуацию в республике: “Парадокс сложившейся ситуации, таким образом, заключается в том, что авторитет, хотя и первого, но все же одного лица страны, удерживает баланс равновесия между терпимостью-нетерпимостью гражданского общества к его политической элите”¹.

Таким образом, в республике власть на местах все еще не стала тем, чем она должна быть – организационным и мобилизующим, контрольным и регулирующим, дисциплинирующим и защищающим человека началом политики и всей общественной жизни.

На уровне мифов остались и представления идеологов демократизации политической системы на основе многопартийности. Как и на всем постсоветском пространстве, в современной Беларуси многопартийная политическая система начинает складываться в конце 80-х начале 90-х годов. Можно выделить идеологические и социально-экономические предпосылки (ресурсы) многопартийности. К важнейшим социально-экономическим ресурсам, подготовившим базу многопартийности, можно отнести следующие: а) появление и рост негосударственного сектора в экономике; б) формирование класса собственников, который стремится реализовать через политику и идеологию свои экономические интересы (социальная база правых партий); в) обеднение значительного числа наемных работников, ухудшение социально-экономических условий жизни большинства населения (социальная база левых партий).

Названные выше важнейшие социально-экономические ресурсы многопартийности можно отнести к внутренним. Несомненно также значительное внешнее влияние на процесс политической дифференциации постсоветского общества, которое выражается: а) в активной пропаганде западными идеологами либеральных ценностей, присущих западным странам норм политической жизни. Такая пропаганда нередко со-

¹ Грищенко Ж.М. Онтология успеха и поражения. Социологические исследования. 1998. С. 55.

проводится полным отрицанием положительного содержания в восточноевропейском опыте политического развития без какого-либо научного анализа; б) в активном участии западного капитала в создании иностранных, совместных предприятий, что расширило частный сектор экономики, как экономическую базу для альтернативных социальных идей; в) в материальной поддержке прямым и косвенным путем партий, движений, частных лиц, которые пропагандируют идеи западной демократии; г) в возможности в наше время ознакомиться с опытом формирования и функционирования многопартийных систем в индустриально развитых странах, который сопряжен с демократией и их экономическим благополучием.

Первые оппозиционные политические организации в БССР консолидировались к концу 80-х годов. Наиболее значительным и влиятельным к этому времени стал Белорусский народный фронт “Адраджэнне” (БНФ), основанный в июне 1989 г. (с 1993 г. – партия). Основным ресурсом народного фронта на первом этапе его становления стали неформальные организации. Выдвигаемые им идеи возрождения белорусского языка, национальной культуры, постановка вопросов о решении экологических проблем вызывали поддержку и понимание в среде интеллигенции и молодежи. “Созданный 19 октября 1988 г. оргкомитет БНФ уже к началу декабря 1988 г. имел свыше 200 групп поддержки, 40% которых действовало на предприятиях”¹. К концу 80-х годов БНФ декларирует приверженность государственной независимости Беларуси, возрождению национально-культурных традиций, формированию экономики и политической системы по западному образцу. Однако резкие антикоммунистические и антироссийские заявления, националистический экстремизм лидера БНФ З. Позняка вызвали отрицательную реакцию определенной части граждан Беларуси в отношении БНФ, что значительно сузило социальную базу его поддержки.

Вслед за БНФ, который до 1993 г. существовал как общественно-политическое движение, были основаны Белорусская крестьянская партия, Белорусский христианско-демократический союз, Объединенная демократическая и Национально-демократическая партии и т.д.

Если в 1990 г. официально была зарегистрирована лишь одна партия, то в 1991 г. – 5, в 1992 г. – 6, в 1993 г. – еще 6, в 1994 г. – 16 политических партий. К началу избирательной кампании по выборам в Верховный Совет Республики Беларусь в 1995 г. были зарегистрированы 34 по-

¹ Социальные проблемы, трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. Россия. Казахстан. Украина. Белоруссия. РАН. Институт сравнительной политологии и проблем рабочего движения. Центр социальных движений. М., 1994. С. 93.

литические партии¹. Однако на перерегистрацию, которая проводилась в республике в середине 1999 года, подала документы в Минюст РБ только каждая вторая партия.

Большинство сформировавшихся к 1991 г. политических партий, кроме Партии коммунистов, заявили об антикоммунистической позиции.

Парадокс был в том, что, борясь с коммунизмом, они, по сути, восприняли большевистские (по Б. Расселу) методы политической деятельности: жесткое противостояние, борьба на уничтожение политического противника, ориентация на быстрое достижение политических целей, популистские методы пропаганды. Слова Б. Рассела, характеризующие в 1920 г. большевизм, с полным основанием можно отнести и на счет антикоммунистических партий начала 90-х годов. Он писал, что “в принципах большевизма больше желания разрушить старое зло, чем создать новое добро; именно по этой причине успехи в разрушении значительно больше, чем в созидании. Страсть к разрушению вдохновлялась ненавистью, которая не конструктивна”².

Парадоксальным стало и то обстоятельство, что партиям нарождавшегося капитала удалось привлечь на свою сторону потенциальный электорат социалистов и коммунистов. Из недавней истории нашей страны известно, что в апреле 1992 г. рабочие демонстрации возглавил БНФ, который воспользовался стихийным недовольством граждан резким повышением цен на товары и услуги.

Расшатывая прежнюю систему и дискредитируя старую номенклатурную элиту, БНФ и его союзники идейно зачастую играли на чужом поле. Со временем стало абсолютно очевидным, что формирование и обогащение нового класса собственников сопровождалось отчуждением от этой собственности непосредственных производителей, их резким обеднением на самом начальном этапе системной трансформации общества. И такая ситуация не является характерной или оригинальной только для Беларуси. Анализируя стремление поляков влиться в средний класс и деятельность в этом направлении “Солидарности”, С. Брукан пишет, что “профсоюз, когда-то числившийся рабочим, теперь проводит реформы, направленные против рабочих”³.

¹ См. Мельник В.А. Республика Беларусь: власть, политика, идеология. – Мн.: Академия МВД РБ, ОНИГН НАНБ, 1998. С. 67; Социальные проблемы, трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. Россия. Казахстан. Украина. Белоруссия. РАН. Институт сравнительной политологии и проблем рабочего движения. Центр социальных движений. М., 1994. С. 89-90.

² Рассел Бертран. Практика и теория большевизма. Перевод с английского издания 1920 года. – М.: Наука, 1991. С. 100.

³ Брукан С. Плюрализм и социальные конфликты: социально-исторический анализ социалистического общества. М.: Прогресс, 1990. С. 21.

Таким образом, буржуазные политики, используя недовольство в целом желательным для себя процессом перестройки отношений собственности, сумели направить это недовольство в 1990-1994 годах против своих политических противников – идейных коммунистов, а также конкурентов – номенклатурно-чиновничьего аппарата, активно занявшегося личным обогащением. Успех БНФ и его союзников можно сравнить с успехом небезызвестных строителей “пирамид”, которые эксплуатировали массовое желание людей быстро и фантастически обогатиться. Вкладчики пирамид не задумывались о природе и механизме такого обогащения, о своем возможном личном финансовом крахе.

“Эффект пирамид” проявился и в политике первой половины 90-х годов. Многие люди легко восприняли идею о том, что существующая общественная система мешает им стать свободными и богатыми, поддерживали на митингах и демонстрациях, а также в общественном настроении идеологов смены общественной системы, а в результате оказались у разбитого корыта, как и энтузиасты пирамид. Многие и до сих пор так и не поняли, что разрушители по своей природе не могут быть создателями. Расстроив, а затем и выбросив старый хозяйственный механизм, который еще мог бы без вмешательства в его работу функционировать не один десяток лет, “реформаторы” попытались создать новый, более совершенный. Но если им недоставало профессионализма и компетентности управлять старым механизмом, то в состоянии ли они создать новый, который требует адаптированного к нашим условиям конструктивного решения, точной настройки, апробации и бережной эксплуатации?

Характерной особенностью политического спектра конца 90-х годов является то, что в республике так и не сформировались значительные центристские силы. Такое положение свидетельствует об отсутствии в белорусском обществе значительной прослойки среднего класса, людей, заинтересованных в стабильности и удовлетворенных своим положением.

В лице президента и властной вертикали в настоящее время сформировалась как бы третья политическая сила – “партия власти”, которая стала мощнейшим регулятором общественно-политической жизни страны. “Партия власти” стала своеобразным центром политического спектра. Однако в отличие от политических партий центристского характера, которым свойственна тенденция смягчения крайностей, умеренность в методах политической борьбы, политический центр в лице “партии власти” стремится преодолеть идеологическую и общественную разобщенность довольно жесткими методами, которые и левые, и правые партии называют диктаторскими. Таким образом, центристские позиции в обществе формируются не “снизу”, а насаждаются “сверху”. Подобный

путь может быть чреват опасностью полного подавления реальной многопартийности.

Социологические исследования свидетельствуют о том, что массовое сознание белорусского общества остается неустойчивым, заметны проявления противоправного поведения, агрессивности, неадекватных реакций на новые условия жизни. Оно отличается крайней противоречивостью и идейно-политическим многообразием. Куда склонится чаша весов – во многом будет зависеть от основных субъектов политического процесса. В то же время ими не были предприняты попытки поиска путей к согласию в обществе, выработки консенсуса, прежде всего в сфере экономических преобразований. Случилось так, что именно спорные, дискуссионные проблемы приобрели первостепенное значение.

В сегодняшней ситуации в отношениях между властями и населением сохраняется поле отчуждения. Анализ существующих механизмов формирования власти показывает, что недостаточно провозгласить себя демократической властью, даже при условии всенародного избрания. Необходимо последовательно и кропотливо формировать такие механизмы, которые реально обеспечили бы представительство широких слоев общества в органах власти. Граждане через своих представителей должны обладать правом контроля над деятельностью исполнительной власти на всех уровнях. Важно понять значение для развития демократического процесса складывающейся многопартийной системы. Интересы и доверие народа будут обеспечены в наиболее полной мере при соблюдении этих условий и при неукоснительном выполнении положений Конституции и законов Республики Беларусь.

Кроме того, в условиях сохраняющейся нестабильности следует искать путь к согласию и консолидации общества. Для этого необходимо расчистить политическое поле от легковесных взаимных обвинений в предательстве, подкупе, непатриотичности и т.д., отказаться от пропаганды образа врага с той или иной стороны. Достаточно обратиться к любой из действительно судьбоносных для страны и животрепещущих для населения проблем, таких, например, как выход из экономического кризиса, ликвидация последствий аварии на ЧАЭС, повышение уровня жизни и социальной защиты, развитие культуры, науки, образования, здравоохранения и т.д., чтобы понять, сколь велик круг общих и неотложных забот. Они и образуют зону согласия, невзирая на политические пристрастия. Именно этого требует население, предлагая отложить до лучших времен выяснение, кто больше прав в идейных исканиях.